

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ПОДХОД. *Резюме*

Мэри Кулмала

В статье представлены результаты исследования отношений, существующих между гражданским обществом и государством в современной России. Эмпирические данные были собраны в Сортавальском муниципальном районе Республики Карелия в 2007–2009 гг. В процессе этнографического исследования, которое проводилось мной на локальном уровне, я пыталась понять отношения организаций гражданского общества с государством, основываясь на повседневной деятельности и практиках этих организаций, в их собственном контексте. Использование этнографического подхода также позволило внести вклад в дискуссию по теории гражданского общества.

Выводы, сделанные на основе анализа эмпирического материала, сопоставляются в статье с известными теоретическими моделями отношений между государством и обществом, и это дает возможность подвергнуть сомнению некоторые взгляды на российское гражданское общество, устоявшиеся в исследовательской и теоретической литературе. Так, в существующих исследованиях гражданское общество и его отношения с государством в России, как правило, анализируются с точки зрения либо либеральной, либо государственнической модели, каждая из которых представляет государство и гражданское общество как отдельные, противопоставленные друг другу силы.

Анализируя внешний контекст существования организаций гражданского общества, я прихожу к выводу, что скандинавская модель не может быть полностью проигнорирована при изучении российской модели – особенно в случае российской Карелии, где финско-российские совместные проекты способствовали усилению традиции партнерских отношений между государственными властями и гражданским обществом. Внутри этой скандинавской модели тесное сотрудничество между гражданским обществом и государством без нарушения автономии гражданского общества достижимо. По сравнению с другими моделями скандинавская социально-демократическая модель в большей степени допускает взаимодействие государственной, публичной и рыночной сфер; либеральная модель, напротив, избегает их пересечения.

Еще один аспект, на который я обращаю внимание в своем исследовании, – это советское прошлое. Советское наследие тотального государственного контроля, так

же, как финское влияние в Карелии, вызывает вопрос о том, не является ли модель тесного сотрудничества между государством и гражданским обществом в большей степени отвечающей условиям современной России, чем либеральная модель.

Мое понимание организации гражданского общества базируется на принципах и ценностях, лежащих в основании выполняемой ею деятельности: добровольная работа сотрудников организации, принципы самоуправления, коллективная форма достижения целей организации, отсутствие коммерческой выгоды среди мотивов деятельности. Определяя организацию гражданского общества таким образом, я пытаюсь уйти от «секторального» подхода, согласно которому гражданское общество понимается как некая сфера деятельности, лежащая вне частной, вне государственной и вне экономической сфер. Отказ от «секторального мышления» позволяет сосредоточить внимание на деятельности и отношениях, существующих в локальном пространстве, не исключая из анализа агентов, которые могут принадлежать другому сектору, но при этом принимать активное участие в деятельности гражданского общества.

Я нахожу понимание общества Ван Тилиа (Van Til 2000) подходящим для теоретического осмысления в моем исследовании. Такой подход уводит нас от понимания общества как совокупности автономно существующих секторов и приводит к пониманию общества как множества пространств, которые зависимы друг от друга. По словам Ван Тилиа, гражданское общество находится на пересечении политики, общества, экономики и культуры. В это пространство включены добровольные некоммерческие организации, которые выступают за социальные изменения и справедливость, предоставляют услуги для уязвимых групп и артикулируют, например, интересы сообществ. В определении Ван Тилиа гражданское общество – это пространство, где люди собираются вместе, чтобы рефлексировать и искать способы воздействия на проблемы, в решении которых они нуждаются как члены более широкого сообщества. Таким образом, это пространство «не является независимым от основных институтов общества: управления на всех уровнях, большого и малого бизнеса, некоммерческих организаций, ориентированных на собственных членов, или на извлечение общественной пользы, школы, религиозных организаций, семьи, общины, соседей, и т.п.» (Van Til 2000).

В статье также критикуется признанное в теории разделение организаций гражданского общества на две категории: политико-правозащитные организации и организации, предоставляющие какие-либо услуги. В своем исследовании я обращаю внимание на функции, которые выполняют организации гражданского общества, и это позволяет мне утверждать, что классификация по функциональному признаку представляет упрощенную картину, слабо связанную с реальной деятельностью организаций гражданского общества.

Еще один распространенный недостаток исследований гражданского общества в России видится мне в том, что изучение организаций и их отношений с государством ограничивается федеральным уровнем и/или контекстом федеральной политики. Исследуя региональные и местные практики взаимодействия, я показываю в статье, что реальность гораздо сложнее, чем можно предположить, основываясь только на анализе взаимодействий федерального уровня.

При анализе функций агентов, которых я изучала во время моих полевых исследований, была использована методология «этнографии государства», разработанная Кэтрин Вердери, которая исследует государства «с близкого расстояния», в понятиях их повседневной рутины и практик. Вместе с тем я не утверждаю, что только исследование микроуровня имеет значение. Скорее, я подчеркиваю важность сочетания анализа микроуровня с пониманием процессов на макроуровне.

Анализ федерального уровня позволяет утверждать, что российская модель отношений государства и гражданского общества тяготеет к государственнической, даже несмотря на либеральные элементы, появившиеся за время правления Д. А. Медведева. Однако исследование локального уровня показывает, что отношения между организациями гражданского общества и местными органами власти гораздо сложнее и могут принимать различные формы. Интересы государства и гражданского общества имеют множество пересечений и сложных связей. Социально ориентированная активность и государства, и гражданского общества может проявлять так называемые политические элементы.

Эмпирическое исследование базируется на четырех кейсах. Первый – Муниципальный центр социального обслуживания Сортавальского района, ответственность которого лежит в поле предоставления услуг для различных категорий населения. Центр также является частью федеральной государственной системы социального обслуживания. Второй случай – локальная организация защиты детей, представляющая независимую и автономную организацию гражданского общества, которая, тем не менее, тесно сотрудничает с некоторыми местными государственными институтами. Третий случай – женская организация Сортавалы – возможно, самая известная и признанная организация гражданского общества Сортавалы и всей республики Карелия. В четвертом случае анализируется деятельность членской организации – ассоциации инвалидов. Если в первых трех случаях были представлены различные формы сотрудничества между местными представительствами государственных институтов и организациями гражданского общества, то последний случай занимает маргинальную, в чем-то конфликтную позицию относительно местных властей.

Подводя итоги анализа эмпирических данных, можно заключить: без сомнения, организации гражданского общества Сортавалы социально ориентированы – деятельность их направлена на поддержание благосостояния местного населения. Все они предоставляют те или иные услуги, делая акцент в своей работе на оказание конкретной практической помощи. Поддержка и услуги, которые оказывают эти организации, имеют большое значение для различных групп местных жителей. Оказание практической помощи дает организациям постоянную тесную связь с простыми людьми. Еще более важно то, что посредством собственной деятельности организации заявляют о новых идентичностях и проблемах.

Таким образом, мое исследование показывает, что в дополнение к предоставлению услуг организации гражданского общества также выполняют отчасти и политические функции. Они не являются политически активными в традиционном смысле этого слова. Весьма маловероятно, что эти локальные организации гражданского общества – за исключением организаций, объединяющих карельских женщин, – оказывают какое-либо влияние на институциональный уровень поли-

тики. Их политическая (то есть политико-пропагандистская) функция проявляется в усилиях, прилагаемых к созданию новых идентичностей, к защите этих идентичностей и связанных с ними интересов. Своей деятельностью эти организации способствуют привлечению внимания общественности к острым вопросам и политизируют их.

Мое исследование показывает, что отношения между государством и гражданским обществом могут принимать различные формы: от конфронтации или автономного существования до тесного сотрудничества и полного стирания границ. Я считаю, что сотрудничество не обязательно ведет к кооптации организации гражданского общества государством. Скорее, это порождает отношения взаимозависимости между государством и гражданским обществом. Более того, представители местной власти участвуют в работе организаций гражданского общества: их часто принимают на работу в общественные организации или приглашают к сотрудничеству. В ходе исследования создалось впечатление, что служащие государственного муниципального сектора являются наиболее активными членами общественных организаций. Подобная вовлеченность отдельных лиц сразу в оба сектора облегчает развитие контактов и сотрудничества, способствует размыванию границ между локальными властями и гражданским обществом. В ходе исследования случалось сталкиваться с ситуациями, когда невозможно было провести четкие границы между публичным сектором, то есть местными властями, и добровольным, то есть гражданским обществом, поскольку для решения локальных социальных проблем использовался набор всех возможных государственных и негосударственных усилий и ресурсов. Пересечения государственного и гражданского можно встретить в социальных, но не в членских организациях, которые часто основываются на принципах самопомощи и чьи члены часто принадлежат к группе, которую они представляют, хотя эмпирические случаи демонстрируют: когда возникают разногласия у властей локального уровня, членские организации полагаются на институциональные механизмы сотрудничества между государством и гражданским обществом регионального уровня, коих в Карелии много. В случаях, рассмотренных в исследовании, сотрудничество организаций гражданского общества с государством не порождало дополнительного контроля или кооптации организаций со стороны государства, а напротив, приносило им пользу.

Согласно выводам моего исследования, организации гражданского общества приобретают наибольшую способность влиять на ситуацию, когда они тесно сотрудничают с местными органами власти, более того – когда роли государства и гражданского общества накладываются друг на друга. Это ставит под вопрос пространственное представление о резком разграничении государства и гражданского общества. Мое исследование показывает, что данное разделение так же, как и классификация организаций гражданского общества по функциональному признаку (политико-пропагандистские и сервис-ориентированные) сильно упрощает картину, существующую в действительности.

Опыт Сортавалы также показывает, что местные жители способны на многие инициативы в тех случаях, когда местное и региональное руководство готово идти им навстречу. Решения, принимаемые на местном уровне, необходимо приводить

в соответствии с национальным законодательством, однако локальные инициативы возможны, если они не противоречат федеральному законодательству. Например, согласно федеральным законам, идея создания кризисного отдела для женщин, страдающих от насилия в семье, не противоречила федеральным нормам, но и не входила в обязанности местных властей. В итоге кризисный отдел был открыт на базе центра социального обслуживания – одного из кейсов исследования. Таким образом, случай Сортавалы иллюстрирует возможности решения вопросов на местном уровне в противовес общему предположению о путинской рецентрализации, в соответствии с которым Москва контролирует все уровни власти в России.

Характеризуют ли мои выводы Сортавалу как особый случай, или они могут быть распространены на Россию в целом? Без сомнения, влияние Финляндии в Карелии не может быть проигнорировано: она сыграла ключевую роль в развитии гражданского общества Карелии, в частности – в установлении диалога между властями и гражданским обществом. Предположу, однако, что размывание границ между государством и гражданским обществом может быть более распространенной тенденцией, по крайней мере, для российских малых городов. Исследования, проводящиеся в таких сообществах в других частях России, выявляют схожее пересечение деятельности государственного и негосударственного секторов; это же подтверждают и мои краткосрочные визиты в сельские поселения, находящиеся в других регионах России. Советское наследие, которое очевидно проявляется в деятельности гражданского общества в Карелии, также не может не приниматься в расчет, когда речь идет о других регионах России.

Возвращаясь к моделям взаимодействия государства и общества и к предыдущим исследованиям, касающимся российской модели, можно сказать, что мое исследование в Карелии показывает неоднозначность картины взаимоотношений между государством и обществом; локально-региональные практики подтверждают многообразие и смешение моделей. Взаимоотношения гражданского общества и государства представлено целым комплексом моделей. Этот комплекс включает некоторые элементы скандинавского режима, по крайней мере, в Карелии. Взаимоотношения между властями и гражданским обществом приобретают множество форм и зависят от многих аспектов (таких как уровень управления и поле деятельности организации), а также от конкретных условий и людей, которые вовлечены в эти взаимоотношения. Зыбкие границы государства и гражданского общества накладываются друг на друга, что может позитивно влиять на способность организаций гражданского общества усиливать свои позиции. Это ставит под сомнение либеральное понимание различия между государством и гражданским обществом так же, как государственнические представления о кооптации гражданского общества.

Я полагаю, что любые теоретические модели могут использоваться как инструменты для сравнения развития в России и других странах – но только в том случае, если они сопровождаются критическим осмыслением. В частности, я уверена, что отталкиваясь от сложного сочетания моделей взаимоотношений государства и общества, я открываю доступ к различным определениям гражданской активности и отношений между государством и обществом. Это происходит даже

в тех случаях, когда я обращаюсь к формам взаимодействия, которые могут казаться парадоксальными западному пониманию – таким как советское наследие. Интерпретация результатов исследования в их непосредственном контексте дает возможность впоследствии включать их в более широкие сравнения.

Уход от привычного «секторального мышления» позволил мне возвести размышления о границах между государством и гражданским обществом на уровень теории. В своем исследовании я пыталась выявить границы (которые, как правило, неочевидны) в их повседневном контексте, и мой выбор этнографического подхода в качестве исследовательской стратегии полностью себя оправдал. Проведя исследование, я могу утверждать, что этнографический подход позволяет пристально рассмотреть повседневные практики и увидеть то их многообразие и те нюансы, о существовании которых анализ федерального уровня вряд ли позволит даже предположить.

БИБЛИОГРАФИЯ

Van Til, Jon. 2000. *Growing Civil Society: From Nonprofit Sector to Third Space*. Bloomington: Indiana University Press.